

УДК 808.2

**ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА***И.Б. Серебряная***Аннотация**

В статье на материале высказываний об окказионализмах в русской критической литературе первой половины XIX века рассматриваются актуальные проблемы становления деривационной нормы, лингвистические привычки и вкусы эпохи.

Ключевые слова: русская литературная критика, языковое сознание, норма словообразования, окказионализмы.

В словообразовании особенно ярко проявляется творческое отношение писателя к слову. В первой половине XIX века, в период интенсивного пополнения словарного состава русского литературного языка, именно словообразование нередко становилось средоточием интересов и предметом полемики литературных группировок, таких, например, как «Арзамас» и «Беседа любителей русского слова» [1, с. 328–330]: в подобных случаях на первый план выступала проблема соотношения нормы и отклонений от неё.

Критические оценки словотворчества в прозаических и стихотворных произведениях касались новообразований разных частей речи: имён существительных (такого рода высказывания были наиболее частотны, составляя примерно 60% от общего числа), имён прилагательных (30%) и глаголов.

Примечательно, что высказывания относительно деривации имён существительных особенно часто (в 75% случаев) отмечаются в отзывах о прозаических текстах. Напротив, замечания о деривации имён прилагательных преобладают в критических разборах поэзии, что связано с различиями между двумя типами организации литературно-письменного текста: проза более ориентирована на субстантивную номинацию, поэзия же, отличающаяся повышенной эмоциональностью, характеризуется активным использованием эпитетов.

Замечания русских критиков свидетельствуют об их знании словопроизводства: во многих отзывах и рецензиях проявилось умение авторов выделять значимые части слов, проследить их связи, определять словообразовательное значение. В ряде случаев литераторы, отстаивая своё словоупотребление, прибегали к подлинно научной аргументации. Так, Н.И. Гнедич в предисловии 1829 г. к переведённой им «Илиаде» Гомера, парируя возражения оппонентов по поводу употребления слова *воз* в значении ‘телега’, писал, справедливо соотнося данное существительное нулевой суффиксации с глаголом *возить*: «Некоторые принимают его только за кладь; но основательно ли это и по самому

словопроизводству?» (РПП, с. 96). П.А. Вяземский, восхищаясь найденным у Сумарокова наименованием лица по признаку *зablужденник*, назвал это суффиксальное образование «прилагательно-существительным», отметив тем самым производящую основу данного слова: «Я нашел у старика Сумарокова прекрасное слово: *зablужденники*, которое тщетно после того искал и в Словаре Академическом, и в других писателях. Подобные прилагательно-существительные – совершенная находка: у нас в них недостаток, а они выразительны и полновесны» (Вяз., с. 6).

Несмотря на то что в качестве самостоятельной дисциплины русское словообразование изучается с XX века, становление данного раздела языкознания началось гораздо раньше. Так, уже в грамматических руководствах первой половины XIX века имелись главы, посвящённые составу слова. К примеру, в «Российскую грамматику, сочиненную... Российской Академиею» (впервые издана в 1802 г.) были включены разделы о словообразовании уменьшительных и увеличительных существительных, наименований лиц по месту жительства и т. д. [2, с. 77–102]. Некоторые сведения по словообразованию давались в «Русской грамматике» А.Х. Востокова [3, с. 3–5].

Следует отметить, что сколько-нибудь развёрнутые рассуждения относительно словообразовательной стороны рецензируемых текстов встречались редко. Наиболее обширную группу среди словообразовательных оценок составляли замечания об индивидуально-авторских образованиях. Рецензенты постоянно подчёркивали, насколько сложна задача писателя, осмелившегося заняться словотворчеством. «Составить новое слово труднее, чем вырастить новый листок на дереве. Для этого надо знать да знать язык», – писал в 1836 г. Н.И. Надеждин (Над., с. 432).

Среди окказиональных образований, отмеченных критиками, подавляющее большинство составляли имена прилагательные, созданные авторами стихотворных произведений. Часто объектом оценок становились прилагательные, которые осознавались как свойственные восходящим к византийской литургической традиции церковнославянским текстам. По наблюдениям В.В. Виноградова, характерные для архаистов «пышные “долгосложно-протяжно-парящие” эпитеты типа *быстромолнийный* или *чревоболющий* подвергались ядовитым насмешкам “европейцев”» [4, с. 196]. Иногда авторы продуцировали такие «словообразовательные излишества», что даже архаисты не могли не отметить этого в качестве недостатка. Так, А.С. Шишков возмущался эпитетом *смертнозаразноящаяся*, использованным одним из современников (Ш, с. 53).

Однако встречались и положительные оценки подобных слов, если они, по мнению критика, были стилистически и эстетически оправданы. Например, рецензент журнала «Атеней» выражал несогласие с коллегами из журнала «Московский телеграф», в котором высмеивались многосложные эпитеты в переведённых Н.И. Надеждиным «Орфеевых гимнах». По словам критика, «уродливая тяжесть» образований типа *эфиробежный*, *яйцеродный*, *всепокланяемый*, напротив, гармонирует с «оригинальной дикостью первобытного мира» (А, с. 96).

Современники восхищались сложными прилагательными, произведёнными Н.И. Гнедичем, переводчиком Гомера. В 1830 г. в журнале «Галатей» выражалась уверенность в том, что многие из таких эпитетов, как *волоокый*, *лилейно-*

раменный, коннодоспешный и т. д. будут «освящены употреблением» (Г, с. 89). Впрочем, по поводу окказиональных адъективов Гнедича высказывались и неодобрительные мнения. К примеру, анонимный критик журнала «Московский вестник» сожалел о том, что многие из сложных прилагательных «Илиады» «расколоты в переводе». По его мнению, следовало бы заменить слова типа *далекоразящий* и *медянодоспешный* более «точными» и «звучными» образованиями *дальномётный* и *меднобронный* (МВ), что связано, на наш взгляд, с более тесной структурно-семантической спаянностью образований, произведённых сложносuffиксальным путём, по сравнению с прилагательными, возникшими в результате сращения или чистого сложения.

В поле зрения критики попадали не только индивидуально-авторские прилагательные, созданные путём сложения основ, но и suffиксальные окказиональные адъективы. К примеру, В.Г. Белинский в статье 1835 г. «Стихотворения Владимира Бенедиктова» назвал неудачными «нововведениями» неологизмы Бенедиктова *сентябрёвый* и *пирный* (Бел., с. 532). В стихотворении Бенедиктова «Незабвенное» (1835 г.) были такие строки: «Перед девою новою сердца беспокойного // Тело чувство новое; // Но уж было чувство то – после лета знойного – // Солнце *сентябрёвое*» (НКРЯ). Отыменное прилагательное *сентябрёвый* было создано с использованием продуктивных морфем, но с нарушением системно-языковой традиции. Как известно, в русском языке прилагательные на базе наименований месяцев производятся при помощи suffиксов *-ск-* (*сентябрьский, октябрьский* и т. п.) и *-овск-* (*мартовский, августовский*). Вместе с тем в символично-лирическом контексте окказиональное прилагательное *сентябрёвый* характеризуется, в отличие от общеупотребительного *сентябрьский*, выраженной эмоционально-экспрессивной качеством, яркой оценочностью. Однако Белинскому это образование показалось излишне претенциозным.

Сентябрёвый не было включено в какие-либо словари, в отличие от прилагательного *пирный* (в стихотворении В.Г. Бенедиктова «Коса» 1843 г.: «И всё, что отдали курганы и гробницы – // Амфоры *пирные* и скорбные слезницы») (НКРЯ). Это отыменное образование, созданное по продуктивной модели (ср.: *мирный, лирный, жирный*), зафиксировано как в «Словаре Академии Российской», так и в «Словаре церковно-славянского и русского языков» 1847 г.: «Пирный ... прил. Принадлежащий, относительный к пиру. Пирный дом. Дан. V. 10» (САР); «Пирный, ая, ое. Прил. ... 1. Относительный к пиру. Пирная приготовления. 2. Вмещающий въ себе пир. Вниде царица в домъ пирный. Дан. V. 10» (СЦР, т. 3, с. 219). Примеры из ветхозаветной Книги пророка Даниила, приведённые в обоих словарях – свидетельство принадлежности данного слова церковно-книжной сфере. В XIX веке оно фиксируется в текстах высокого стиля, например, в стихотворении С.А. Ширинского-Шихматова «Петр Великий» 1810 г.: «И, дышащ кротостью эфирной, // День брани претворил в день *пирный*» (НКРЯ).

Трудно судить о том, использовал ли Бенедиктов уже известное ему слово или создал его сам. По верному замечанию Г.О. Винокура, «нет ничего удивительного в том, что в некоторых случаях вновь изобретённая и представляющаяся небывалой форма оказывается уже когда-то существовавшей и только

вышедшей из употребления или даже и сейчас существующей, но не в литературном языке... а в диалектах и т. п.» [5, с. 326].

Окказиональные имена существительные становились объектом внимания критиков значительно реже, чем прилагательные. Остановимся на образованиях со значением лица, которые составляют большинство проанализированных нами окказионализмов.

Как уже отмечалось, создаваемые поэтами и писателями наименования не всегда встречали одобрение критиков. Например, в статье 1835 г. «Стихотворения Владимира Бенедиктова» В.Г. Белинский назвал неудачным сложносуффиксальное существительное *сердцегубка*, употреблённое автором в стихотворении «Когда вдали от суеты всемирной»: «Порой и дождь и светят небеса; // И на лице прелестной *сердцегубки* // Встречаются улыбка и слеза» (НКРЯ). Данный окказионализм, образованный при помощи интерфикса *-e-* и суффикса *-к-* от основ существительного *сердце* и глагола *губить*, вызывал негативную реакцию критика – по-видимому, обусловленную семантикой структурно сходных слов (ср.: *душегубка*).

В статье «Русская литература в 1842 году» В.Г. Белинский неодобрительно высказался об изобретённом писательницей А.В. Зражевской существительном женского рода *поэтка*, которое она ввела в свой роман «Женщина – поэт и автор» (Бел., с. 52): «Вот тебе письмо нашей *поэтки* Веры к Софье Лировой» (Москв., с. 51). Образование *поэтка* было создано по продуктивной модели от основы существительного *поэт* при помощи суффикса *-к(а)*. Исследователи отмечают значительную активизацию названий лиц женского пола, в том числе и образованных присоединением суффиксального *-к(а)*, в русском литературном языке первой половины XIX века, что было связано с более широкой, чем раньше, вовлечённостью женщин в профессиональную и творческую деятельность. Особенно много такого рода образований возникало на базе заимствований, называющих лиц по профессии, роду занятий, мировоззрению и т. п.: *артистка*, *демократка*, *либералка*, *философка*, *гигантка* и т. д. [6, с. 79–80]. Примечательно, что критик не предложил вместо окказионализма *поэтка* более правильного, на его взгляд, эквивалента. Полагаем, это связано с тем, что удовлетворительного во всех отношениях наименования женщины, занимающейся поэтическим творчеством, в русском языке того времени ещё не было. Употребительное в наши дни существительное *поэтесса* в словарях этого периода отсутствует. В Национальном корпусе русского языка единичные примеры использования данного заимствования (фр. *poétesse*) относятся ко второй половине XIX века: «И после... с вами, *поэтесса*, // Одну кадрили протанцевать» (А.Н. Апухтин, «Каролине Карловне Павловой», 1860 г.); «*Поэтессы* // Мне метрессы» (Н.М. Минский, «Чёт или нечет», 1899–1900 гг.) (НКРЯ). Отметим, что и в XX веке, когда существительное *поэтесса* было уже признанным фактом языка, оно удовлетворяло не всех¹. Например, к нему отрицательно относился

¹ Коннотация снисходительно-уничижительного отношения к женщине, занимающейся поэтическим творчеством, свойственная слову *поэтка*, отчётливо ощущается, к примеру, уже у А.А. Фета, который, подобно Зражевской, использовал образование *поэтка* в своей поэме «Две липки» 1856 г.: «Чем менее бывает прав иной, // Тем он охотней в жертву целит метко. // Так Русов, насмехаясь над женой, // Давал понять, что ты-де вот *поэтка*» (НКРЯ).

Д.С. Лихачев, который писал: «Я думаю, что о женщине-поэте, если она настоящий поэт, следует говорить *поэт*, а не *поэтесса*. Ахматова это слово ненавидела. Цветаева тоже» [7, с. 367].

Иногда окказиональные образования предлагались самими критиками, если их по каким-то причинам не удовлетворяло избранное автором слово. Так, В.А. Жуковский в стихотворной рецензии на стихотворение П.А. Вяземского «Вечер на Волге» 1815–1816 гг., возражая против слова *боец*, по его мнению, в данном контексте семантически несостоятельного, рекомендовал в качестве замены существительное со значением действующего лица *презритель*. Мотивировалось это предложение следующим образом: «Гремящих бурь боец, он ярости упорной // Смеется, опершись на брег ему покорный! // Боец не то совсем, что ты хотел сказать. // Твой Гений, бурь боец, есть просто бурь служитель, // Наёмный их боец; а мне б хотелось знать, // Что он их победитель! // Нельзя ли этот стих хоть так перемарать: // *Презритель* шумных бурь, он злобе их упорной // Смеется, опершись на брег, ему покорный! // *Презритель* – новое словцо; но признаюсь: // Не примешь ты его, я сам принять решусь!» (НКРЯ). Вяземский не счёл нужным использовать образование *презритель*, но раскритикованное слово всё-таки заменил общепринятым *противник*: «Противник наглых бурь, он злобе их упорной // Смеётся» (НКРЯ). Зато Жуковский сдержал своё слово, действительно включив в некоторые свои произведения образование *презритель*: «...Сеятель смут и раздоров, *презритель* смиренья, // Недруг порядка, древний губитель земли» (В.А. Жуковский, «Сражение с змеем», 1831 г.); «Споров решители, крови своей проливатели в битвах, // Смерти *презрители*, храбрые мира защитники» (В.А. Жуковский, «Наль и Дамаянти», 1837–1841 гг.) (НКРЯ).

Словообразовательный тип книжных отглагольных имён с суффиксальным *-тель*, имеющих словообразовательное значение ‘производитель действия, названного мотивирующей основой’, по наблюдениям лингвистов, был весьма продуктивен в рассматриваемую эпоху: *внушитель*, *вручитель*, *запретитель* и т. п. [6, с. 23–26]. Оказывается, однако, что слово *презритель*, которое Жуковский считал своим изобретением, функционировало в русском языке задолго до начала XIX века и было зафиксировано как «Словарем Академии Российской», так и «Словарем церковно-славянского и русского языка» (САР; СЦР, т. 3, с. 440). Образование *презритель* встречалось также у отдельных авторов XVIII – первой половины XIX века: «Запутан циклами, пока восстал Коперник, // *Презритель* зависти и варварству соперник» (М.В. Ломоносов, «Письмо о пользе стекла...», 1752 г.); «Муж, *презритель* сребра, злата, // Добродетельный Фабриций» (А.Н. Радищев, «Песнь историческая», 1801 г.); «А я, *презритель* суеты, // Питомец музы, что скучаю?» (Н.М. Языков, «Ответ на присланный табак», 1823 г.) (НКРЯ).

Очевидно, это связано с тем, что любой носитель языка способен при необходимости без затруднений создавать слова по уже существующим образцам, всякий раз делая это, как ему кажется, «заново». Так проявляются потенциально-вероятностные качества русского словообразования, допускающие при наличии продуктивной, закреплённой употреблением словообразовательной модели её свободное воспроизведение.

В поле зрения критики попадали и сложносоставные окказиональные имена существительные. Анализ таких образований показывает, что рецензенты считали основным критерием оценки лексико-семантическую составляющую, требуя, чтобы соединяемые понятия дополняли друг друга в смысловом отношении. Так, А.С. Грибоедов в статье 1816 г. писал по поводу сложносоставного наименования *надежда-сладость*, употреблённого В.А. Жуковским в балладе «Людмила»: «Где твоя, Людмила, радость! Ах! прости *надежда-сладость*. *Надежда-сладость*. – Опять-таки для рифмы! Одно существительное сливают с другим, для того, чтоб придать ему понятие, которое не заключается в нём необходимо. Напр[имер], девица-краса, любовник-воин, но надежда – всегда сладость» (Гриб., с. 48). Очевидно, что анализируемое образование воспринималось как составленное по образцу «определяемое + определяющее» ('сладкая, или сладостная надежда') и включало в качестве второго компонента наиболее типичное именно для поэзии Жуковского слово *сладость* [8, с. 327].

В 1821 г. окказиональное сложносоставное существительное *знакомец-лес*, употреблённое А.Ф. Воейковым в стихотворении «Послание к жене и друзьям», стало предметом полемики. В рецензии С. Осетрова, опубликованной в журнале «Вестник Европы», об этом образовании было скептически сказано: «*Знакомец-лес!* ... О ... тайна словошвенья!» (ППК, с. 96). На это замечание аргументированно возразил И.Е. Срезневский, который в своей статье привёл целую серию аналогичных по структуре составных образований, употреблённых мастерами слова XVIII – первой половины XIX века. Повторив фразу Осетрова «*Знакомец-лес!* ... О ... тайна словошвенья!», Срезневский решительно не согласился с этой иронически-неодобрительной оценкой: «Это не тайна для хороших Поэтов. Они говорят, напр., старец-вождь, надежда-государь, гений-истребитель, красавеселие очей, роза-радость и проч. Встречаются у них ещё и такие слова: вчера-воспоминанье, ныне-тишина, завтра-упоминанье... Примечание: примеры сии взяты из Державина, Дмитриева, Карамзина, Мерзлякова, Батюшкова, Жуковского и Востокова» (СО). Таким образом, Срезневский отстаивал право автора на индивидуальное своеобразие, на мотивированное художественной задачей отступление от нормы.

Однако если эти отступления не были оправданы ни эстетически, ни системно, суд критиков был суров. К примеру, в газете «Северная пчела» в 1827 г. была помещена анонимная рецензия на поэму П. Свечина «Александроида». Рецензент, не дав себе труда сделать сколько-нибудь подробный разбор поэмы, привёл из неё всего одну строфу, выделив изобретённое автором существительное *творчность* – «Пошли мне *творчность*, быстроту, // Обилие, изящность строго! // Величие и силу многу», – и завершил эту выдержку лаконичным реюме: «И не послал!» (СП).

Существительное женского рода со значением отвлечённого качества *творчность* было произведено при помощи продуктивного суффикса *-ость* на базе прилагательного *творческий*, но с нарушением сразу нескольких словообразовательных правил. Во-первых, основой для образования данного окказионализма должно было послужить не существующее в русском языке прилагательное *творчный*. Во-вторых, автор окказионализма, по-видимому, оказался под воздействием аналогического влияния иноязычных прилагательных на *-чный*

типа *пластичный, практичный, лиричный*. Наконец, суффикс *-ость*, вероятно, по орфоэпическим причинам, трудно связывается с основами на *-ск(ий)* [6, с. 106].

А.С. Шишков возмущался употреблённым одним из современников словообразовательным «излишеством» *повсенародность*, которое он определил как «коверкание» собственного слова (Ш, с. 53). По выражению В.В. Виноградова, такое воспроизведение норм чужестранной речи приводило к разрушению естественной для русских связи морфем [9, с. 273].

Замечания, сделанные по поводу окказиональных глагольных образований, в русской критической литературе встречались не столь часто, как высказывания по поводу существительных и прилагательных. Однако отдельные оценки, касающиеся глагольного словообразования, заслуживают внимания. В первую очередь это относится к глаголам на *-ствова(ть)*. В частности, А.С. Шишков привёл в качестве примера грубого нарушения словообразовательной нормы глагол *добронравствовать*, который он обнаружил в сочинениях современных ему авторов: «*Добронравствовать*. Поэтому можно говорить: *благополучествовать, рыболовствовать, горохосажательствовать*? Вот какие новые к обогащению языка открываются источники!» (Ш, с. 192).

Способ образования глаголов при помощи книжного суффикса *-ствова(ть)* от основ имён существительных был и остаётся очень продуктивным в русском литературном языке: *учительствовать, директорствовать, прокурорствовать*. Особенно активизировался данный способ в конце XVIII – начале XIX в. под влиянием польского языка, где имел широкое распространение глагольный суффикс *-ować* [10, с. 346]. Образования этого типа со значением ‘заниматься видом деятельности, указанным в производящей основе’ были широко представлены в словарях: *братствовать* ‘жить в обители обще с братиею’ (СЦР, т. 1, с. 81), *игуменствовать* ‘быть игуменом’ (СЦР, т. 2, с. 101), *патриаршествовать* ‘быть патриархом’ (СЦР, т. 3, с. 163).

Однако глагол *добронравствовать* в «Словаре церковно-славянского и русского языка», а также в более раннем «Словаре Академии Российской» отсутствовал. И это не случайно. Шишков тонко подметил существенное лексико-словообразовательное расхождение между глаголом *добронравствовать*, который вызвал его нарекания, и глаголами типа *игуменствовать, патриаршествовать*. Словообразовательное значение ‘заниматься видом деятельности, указанным в производящей основе’, свойственное последним, у глагола *добронравствовать* отсутствует. Он обладает иным деривационным значением: ‘проявлять качество, указанное в производящей основе’, то есть качество добронравия. Из перечня образований, приведённых Шишковым как заведомо невозможных в русском языке, глагол *благополучествовать*, то есть ‘пребывать в благополучии’, тоже не вписался бы в словообразовательный тип со значением ‘заниматься определённым видом деятельности’. Что же касается глаголов *рыболовствовать* и *горохосажательствовать*, словообразовательное значение теоретически позволяет им войти в названную выше группу, хотя, конечно же, слова типа *горохосажательствовать* русскому языку не свойственны как в связи с их чрезмерной многосложностью, так и по стилистическим причинам: книжные глаголы на *-ствова(ть)* обычно не возникают на базе слов повседневно-бытовой сферы.

Несомненно, суждения об окказиональных образованиях, высказанные русскими критиками в первой половине XIX века, стали фактором, способствовавшим становлению словообразовательной нормы и её осознанию в языковом коллективе. Большой интерес для исследования динамики деривационных процессов и потенциально-вероятностных возможностей словообразования представляют зафиксированные в русской критической литературе факты отнесения к разряду инноваций архаичных или имеющих ограниченное употребление слов. Рассмотренные нами оценки существенны для конкретизации и детализации общих тенденций в развитии русского словопроизводства.

Summary

I.B. Serebryanaya. Nonce Words in the Mirror of the Russian Literary Criticism of the First Half of the 19th Century.

Based on the assessments of nonce words by the Russian critical literature of the first half of the 19th century, the article considers topical problems concerning the formation of derivational rules, linguistic habits and tastes of the epoch.

Key words: Russian literary criticism, language consciousness, word-formation rule, nonce words.

Источники

- РПП – Русские писатели о переводе. XVIII – XX вв. – Л.: Сов. писатель, 1960. – 696 с.
- Вяз. – *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч.: в 12 т. – СПб.: Изд-во С.Д. Шереметева, 1883. – Т. 8. – 528 с.
- Над. – *Надеждин Н.И.* Литературная критика. Эстетика. – М.: Худож. лит., 1972. – 575 с.
- Ш – *Шшиков А.С.* Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка. – СПб.: Тип. В. Плавильщикова, 1818. – 444 с.
- А – О переводе Орфеевых гимнов // Атений. – 1829. – Ч. 4, № 19. – С. 95–96.
- Г – Илиада Гомера, переведённая Н. Гнедичем // Галатея. – 1830. – Ч. 14, № 18. – С. 88–89.
- МВ – Илиада / Пер. Г. Гнедича // Моск. вестн. – 1830. – Ч. 1, № 4. – С. 403.
- Бел. – *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – Т. 1. – 573 с.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru>, свободный.
- САР – Словарь Академии Российской: в 6 ч. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1789–1794. – Ч. 4. – 1272 стб.
- СЦР – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук: в 4 т. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1847.
- Москв. – *Зражевская А.В.* Женщина – поэт и автор // Москвитянин. – 1842. – Ч. 5, № 9. – С. 49–51.
- Гриб. – *Грибоедов А.С.* О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады «Ленора» // А.С. Грибоедов. Сочинения: в 2 т. – М.: Правда, 1971. – Т. 2. – С. 49–51.
- ППК – *Осетров С.* Письмо к редактору «Вестника Европы» // Пушкин в прижизненной критике, 1820–1827. – СПб.: Гос. Пушкинск. театр. центр в Санкт-Петерб., 1996. – С. 94–102.

СО – Замечания на критику на Послание к жене и друзьям, сочиненную С.М. Осетровым, жителем Галерной гавани // Сын Отечества. – 1821. – № 17. – С. 118–119.

СП – Александроида, современная Поэма. Сочинение Павла Свечина // Северная пчела. – 1827. – № 104. – 30 авг.

Литература

1. История русской литературы: в 10 т. – М.; Л.: АН СССР, 1941. – Т. 5, ч. 1. Литература первой половины XIX века. – 439 с.
2. Российская грамматика, сочинённая Императорскою Российскою Академиею. – СПб.: Тип. Императ. Рос. акад., 1819. – 273 с.
3. *Востоков А.Х.* Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики полнее изложенная. – СПб.: Тип. И. Глазунова, 1831. – 408 с.
4. *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX вв. – М.: Высш. шк., 1982. – 528 с.
5. *Винокур Г.О.* О языке художественной литературы. – М.: Высш. шк., 1991. – 448 с.
6. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века. – М.: Наука, 1964. – 559 с.
7. *Лихачев Д.С.* Русская культура. – М.: Искусство, 2007. – 436 с.
8. *Чичерин А.В.* Очерки по истории русского литературного стиля. – М.: Худож. лит, 1977. – 445 с.
9. *Виноградов В.В.* Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. – М.; Л.: Academia, 1935. – 457 с.
10. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Высш. шк., 1972. – 614 с.

Поступила в редакцию
23.04.12

Серебряная Ирина Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики преподавания Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: i_serebrjanaja@mail.ru